

ИНВАЛИДЫ.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Завѣщаніе.—Бабушка Дольчиха и ея дѣти.—Суровцевъ.—Гамзатъ-Бекъ.

Кондратій Ивановичъ переживалъ томительное время. Со времени разрыва съ женой онъ перенесъ сильное огорченіе, отказавшись отъ Текинскаго похода, а затѣмъ тяжело отразилась на старомъ служакѣ—отставка. Годы стали покрывать дымкой забвенія служебную обиду, но вспыхнувшая война вновь расколыхала дремавшую боевую натуру Копьева. Былые сослуживцы уже уѣхали въ Маньчжурію.

«Промазалъ Геокъ-Тене, неужели и съ японцами не придется повоевать? А тутъ еще этотъ неожиданный сынъ»... Вотъ что волновало бѣднаго инвалида.

Квартирантка Копьева, акушерка Софья Михайловна, возвратившись поздно ночью съ практики, увидѣла свѣтъ въ квартирѣ домохозяина, чему несказанно удивилась, такъ какъ обыкновенно подполковникъ ложился спать въ десятомъ часу. Старушка не удержалась и заглянула въ окно. Копьевъ писалъ.

На утро онъ отправился на почту. Тамъ предварительно осмотрѣлъ пріемную, нѣтъ ли знакомыхъ и убѣдившись, что никто за нимъ не наблюдаетъ, бережно вытащилъ изъ глубокаго кармана завернутый въ газетную бумагу пакетъ, адресованный въ главный штабъ. То было прошеніе объ опредѣленіи вновь на службу съ

¹⁾ См. «Воен. Сборн.». № 2.

приложеніемъ указа объ отставкѣ и копій къ нему, лично переписанныхъ подполковникомъ. Нѣсколько страницъ, какъ это полагается въ послужныхъ спискахъ, отведено было подробнымъ описаніямъ боевыхъ дѣйствій отрядовъ, въ которыхъ находился Копьевъ юнкеромъ и молодымъ офицеромъ. Тамъ рѣдко упоминалось его имя, больше говорилось о дѣйствіяхъ генераловъ: Евдокимова, Манюкина, Радецкаго, Лазарева, Геймана, Врангеля, князя Меликова. Но старику пріятно было выводить названіе горскихъ ауловъ, среднеазіатскихъ кишлаковъ и турецкихъ деревень, связанныхъ съ боевой его службой подъ начальствомъ славныхъ генераловъ. «Неужели не примутъ?! Невозможно»... мелькало у него въ головѣ.

До полученія желаннаго отвѣта онъ рѣшилъ никому не говорить о прошеніи.

Въ ожиданіи отпращиванія на Востокъ, Копьевъ сталъ тайкомъ отъ знакомыхъ приготовляться къ походу. Отпустилъ шашку, запасся патронами для револьвера, обновилъ мундиръ у портного еврея. Старый, еще полковой закройщикъ, Гершневичъ, при этомъ внезапно предложилъ купить у него совсѣмъ новую пару, не взятую заказчикомъ— «шарлатаномъ». «Вамъ понадобится, господинъ полковникъ, понадобится какъ на войну пойдете». Копьевъ сначала было цыкнулъ на еврея, а потомъ разцвѣлъ. «Янкель все знаетъ, если ужъ онъ увѣренъ, что я пойду на войну, значить пойду»...

Долго совѣтовался Кондратій Ивановичъ съ Софьей Петровной—гдѣ и по чемъ холстъ купить для бѣлья, кому отдать шить. Квартирантка спросила — не думаетъ ли онъ жениться. Копьевъ внезапно пріосанился, закрутилъ усъ и посмотрѣвъ сказалъ— «все быть можетъ».

Мысль о молодомъ Копьевѣ не выходила изъ головы, и Кондратій Ивановичъ рѣшилъ передъ уходомъ въ походъ сдѣлать завѣщаніе.

Къ нотаріусу онъ не хотѣлъ обращаться, боялся чужихъ людей, боялся возможной по его мнѣнію огласки. Онъ хорошо помнилъ, какъ въ полку, будучи какъ то дежурнымъ, онъ подписывалъ завѣщаніе умиравшаго отъ раны поручика Микулина. Никакого нотаріуса не требовалось.

Надо было посовѣтоваться съ Насыпайко.

Послѣ теплаго дождя кустарники покрылись нѣжной зеленью, трава въ полсаднякахъ уже поднялась густой щеткой, миндаль-

ныя деревья стояли густо облѣпленные цвѣтами сливочнаго цвѣта, вишневая деревья начали уже покрываться бѣло-спѣжными бутонами, блѣдно-розовыя гирлянды на яблоняхъ перемѣшивались съ яркимъ цвѣтомъ персиковыхъ деревьевъ.

Тарасъ Петровичъ съ Маріей Николаевной копались у себя въ цвѣтникѣ, высаживали петунью, левкой, горошекъ. Причудливыя головки приса вмѣстѣ съ разноцвѣтными тюльпанами покрывали узорчатымъ ковромъ клумбы. Садикъ, непривѣтливый зимой, теперь такъ и манилъ къ себѣ прохожаго.

— Богъ помочь!

— А, это ты Кондратій Ивановичъ, не сразу отвѣтилъ Насылайко, обливавшійся потомъ.

Старикъ грузно приподнялся съ земли и съ трудомъ выпрямился.

— Охъ-хо-хо!.. старость не радость. Добрый день. Что жъ стоишь, у калитки? Заходи, гостемъ будешь.

— Меня ужъ извините, голубчикъ, надо посадить всю разсаду, а то пропадетъ... крикнула Марья Николаевна, закутанная въ кисейную чадру.

— Ну, какъ дѣла. Что въ газетахъ?

— Я къ тебѣ по дѣлу, посоветоваться.

Старики пошли въ домъ. Копьевъ объявилъ о своемъ рѣшеніи написать завѣщаніе.

— Дѣло доброе. Для церкви нашей, на поминъ души, должно быть.

— Тамъ увидишь. А вотъ, какъ составить завѣщаніе? Я не хочу у нотариуса.

— Зачѣмъ у нотариуса? Лишнія деньги тратить. Мы дѣло смастеримъ. Для порядка слѣдовало бы священника пригласить. Отецъ Николай боленъ, попъ Іоаннъ разболтаетъ, какъ Богъ святъ, разболтаетъ. Нужны, братъ, свидѣтели.

— Кого же? Софью Петровну?

— Богъ съ тобой! замахалъ руками Тарасъ Петровичъ. Развѣ женщина свидѣтелемъ можетъ быть?.. Ни-ни... Вотъ, Гамзатъ-Бека хорошо бы пригласить. Кстати юристъ... Ну, и я то хорошъ! Онъ магометанинъ, а завѣщаніе начинается съ крестнаго знаменья— во имя отца, сына и святого духа... Нельзя. Зейдлица попроси.

— Не пойдетъ.

— Вотъ тебѣ разъ. Да онъ тебя любитъ. Третьяго еще нужно.

— Зачѣмъ?

— Чѣмъ больше, тѣмъ знаешь крѣпче. Петю, что ли?

— Хорошо. Онъ человѣкъ порядочный.

— Да, вотъ что, Кондратій, скажу тебѣ. Завѣщаніе, самъ знаешь, не письмо написать. Дѣло важное. Нужно, понимаешь, что бы честь-честью. Угостить тамъ... Не для себя, говорю, а передъ людьми неловко.

— Развѣ надо?.. Что же, я ничего, могу...

Копьевъ озабоченный отправился къ себѣ домой.

На горизонтѣ стали вырисовываться новые хлопоты, охлаждавшіе порывъ.

Послѣ разрыва съ женой, у Кондратія Ивановича гостей не бывало никогда. Постепенно и посуда, и столовое бѣлье исчезли почти совсѣмъ. Принять у себя гостей, значило обзаводиться всѣмъ новымъ, грозили большіе расходы. Копьевъ рѣшилъ просить Софью Михайловну принять у нее. Квартиры ихъ отдѣлялись темными сѣнцами.

Домикъ съ большимъ садомъ Кондратій Ивановичъ приобрѣлъ при выходѣ въ отставку по настоянію Тараса Петровича, очень дешево. За то и не нарядно было вросшее въ землю зданіе съ небольшими окошечками. Впрочемъ, весной грозди бѣлой душистой акаціи пышно декорировали низенькія стѣнки, и глиняная крыша покрывалась высокорослымъ ячменемъ, среди котораго весело выглядывалъ красный макъ.

Неуютно, непривѣтливо смотрѣли обѣ комнатки, занимаемыя самимъ хозяиномъ, за то у Софьи Петровны все блестяло. Ясно свѣтились стекла въ окошкахъ, лоснились чисто-вымытые полы, ярко зеленѣли листья герани, фукціи, кактусы и олеандра. Гисейныя занавѣски, вязаныя салфетки на столахъ и на комодѣ высматривали совсѣмъ свѣженькими, бѣленькими.

Софья Петровна Дольская занимала три комнаты и кухню. Съ ней жилъ младшій сынъ, больной, малоразвитой молодой человѣкъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда Сережѣ было всего два года, а старшему, Виктору десять, ея мужъ, городской врачъ, умеръ отъ бѣлой горячки. Помучилась съ нимъ Софья Петровна, да и замужъ то шла за него неволею. Отцу ея, лекарскому помощнику, бракъ дочери, тихонькой простушки, съ докторомъ представлялся неожиданнымъ счастьемъ. Однако замужество ей не принесло даже и обезпеченія. Мужъ любилъ пображничать и оставлялъ очень мало денегъ безотвѣтной женѣ. Приходилось изворачиваться и урѣзывать во всемъ, что можно было скрыть отъ людского

любопытства. Послѣ смерти Дольскаго не осталось не только капиталовъ, но и пенсія онъ не выслужилъ никакой, такъ какъ молодость провелъ врачомъ въ частной золотопромышленной компаніи.

Софья Петровна пришлось прокармливать семью трудомъ рукъ своихъ. Выросшая въ медицинской сферѣ, она рѣшилась поступить на акушерскіе курсы. Продала все, что въ уѣздномъ городѣ купили изъ ея плохенькой обстановки, получила пособіе и съ тремя сотнями рублей, вмѣстѣ съ двумя дѣтьми, направилась въ Петербургъ.

Въ вагонѣ третьяго класса Николаевской дороги она познакомилась съ семьей военного врача Вортаховскаго, ѣхавшаго въ Академію за докторской степенью. Вмѣстѣ съ ними она поплелась на Выборгскую сторону, боясь далеко отбиться отъ знакомыхъ. Наняла самую дешевенькую квартиру въ пятомъ этажѣ узкаго дома, уродливо выступавшаго среди окружавшихъ ее деревянныхъ зданій. Водопровода не было. Крутая, грязная лѣстница непривѣтливо висѣла мимо дверей, обитыхъ оборванной клеенкой. Послѣ уѣзднаго простора, противно было взбираться куда то на тѣсный чердакъ, среди смрада и кухоннаго чада.

Изъ привезенныхъ денегъ Софья Петровна прежде всего отложила сто рублей на возвращеніе изъ Петербурга. Она ихъ спрятала въ чулокъ и засунула на дно дорожнаго сундука; не сказала даже своему Витѣ, отъ котораго обыкновенно у нее не было тайнъ.

Послѣ взноса за право ученія Вити въ гимназію, покуunki посуды и самой незатѣйливой поддержанной мебели, у вдовы осталось очень немного на существованіе. А тутъ еще Сережа, несмотря на исполнившіися два года, не ходилъ и не говорилъ. Приходилось взять для ухода за нимъ дѣвочку подростка.

Какъ тутъ прожить? Вдова съ сыномъ дѣлали выкладки своихъ расходовъ. Доходовъ не предвидѣлось ни откуда.

За квартиру двѣнадцать рублей, дворнику за воду три рубля, на столъ восемнадцать рублей, вотъ ужъ тридцать три, подсчитывала Софья Петровна. А Витя округлялъ: за десять мѣсяцевъ—триста тридцать.

— А на дрова? На дрова рублей тридцать за зиму положьте, прибавляла дворничиха. Добрая женщина помогала имъ устроиться, входила въ интересы разстроенной жилищки. Она и дѣйствительно оказала громадное содѣйствіе, нашла заработокъ. Дворничиха ре-

комендовала вдову въ качествѣ музыкантши. Въ томъ же домѣ поселился отставной балетный танцовщикъ, который и согласился взять ее къ себѣ акомпаньаторшей для уроковъ.

Софья Петровна не получила никакого почти образованія. Дѣвочкой ходила года два въ нѣмецкій пансіонъ. Въ родительской квартирѣ имѣлось старинное фортепіано, которое главнымъ образомъ и послужило причиной отдачи дочери въ пансіонъ, гдѣ обучали музыкѣ. Дѣвочка оказала способности, и квартира лекарскаго помощника, къ великому его восторгу, стала оглашаться по вечерамъ звуками вальсовъ, полекъ и популярныхъ романсовъ. Однако занятія въ пансіонѣ не долго продолжались, такъ какъ матери нужна была помощница, нянька для сестреночекъ и братишекъ. Музыкальное развитіе далеко не пошло.

На семейныхъ вечеринкахъ, скромная, застѣнчивая Соня рѣдко сама танцевала, обыкновенно ее просили «немножечко сыграть», и она покорно, часамъ выколачивала по клавишамъ танцы. Эта наука теперь ей пригодилась. Она уговорилась играть по полтора рубля за два часа, четыре раза въ недѣлю.

Попытки пріискать новую таперскую работу, несмотря на публикацію, не доставили ей за все время пребыванія въ Петербургѣ ни одного новаго приглашенія.

Музыкальный заработокъ и общество семьи врача окончательно прикрѣпили Софью Петровну къ Выборгской сторонѣ, откуда приходилось ежедневно бѣгать въ Повивальный Институтъ къ Калинину мосту.

Возвратясь домой, отъ усталости она и ѣсть не могла, а черезъ часъ—другой приходилось садиться барабанить на піанино вальсы и кадрили.

Тяжело доставалось вдовѣ; но семья отъ стужи не замерзала, отъ голода не помирала, перебивалась съ хлѣба на квасъ. На курсахъ все, что требовало практическаго приложенія, спорилось, такъ и кинѣло въ рукахъ хлопотливой Софьи Петровны, за то теорія, записки и «лекціи» плохо давались совсѣмъ неподготовленной къ школьному обиходу женщинѣ.

Кое-какъ она сдала экзаменъ на званіе повивальной бабки. Впереди открывался новый трудовой горизонтъ. Въ этому времени и Вортаховскій получилъ докторскій дипломъ и возвращался на Кавказъ. Онъ предложилъ вдовѣ ѣхать съ ними, принять вакантное мѣсто городской акушерки. Не надѣясь на одну частную практику ни въ столицѣ, ни у себя въ уѣздномъ городѣ, Софья Петровна

прельстилась казеннымъ мѣстомъ въ неизвѣстномъ ей Кутанѣ и сейчасъ же согласилась.

Пришлось достать старый чулокъ, распороть его и вынуть за- вѣтную сторублевку...

И понеслись годы, сѣрые, безпросвѣтные, годы утомительной работы, недосыпанія и недоѣданія. Всѣ мысли сводились къ тому, какъ бы внести въ гимназію за Витю, заплатить за квартиру, затк- нуть хотя часть долга лавочнику, отпускавшему на книжку и мясо, и мыло, и булавки.

Витя своимъ прилежаніемъ и успѣхами радовалъ сердце ма- тери, но младшій сынъ, похожій по лицу на отца, печалилъ, при- водилъ въ отчаяніе. Учиться онъ безусловно не могъ, говорилъ даже несвязно. «За что, господи, крестъ на меня наложилъ тяже- лый?!» Убивалась, чуть не ежедневно, вдова, тѣмъ не менѣе больного сына любила, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ старшаго.

Наконецъ Витя уѣхалъ въ Историко-филологическій институтъ. Юноша выбралъ это заведеніе главнымъ образомъ потому, что туда онъ поступалъ казеннымъ полнымъ пансіонеромъ и избавлялъ бѣд- ную мать отъ матеріальныхъ о немъ заботъ.

Сынъ вполне оправдалъ ожиданія матери, отлично кончилъ курсъ. Онъ собирался устроиться учителемъ въ родной ему гимна- зіи, но мать, тихая и покорная, на этотъ разъ возстала. Конечно для нее было бы счастье жить вмѣстѣ съ своимъ милымъ умникомъ, но въ медвѣжьемъ углу, въ захолустьи, Витѣ не выбиться на боль- шую дорогу. Такъ она говорила и сыну, и знакомымъ, а въ душѣ, про себя, у нее были еще и другія соображенія. Тутъ, у насъ, его всѣ знаютъ, за «бабушки—Дольчихи сына», такъ при немъ это и будетъ припилено.—Очень пріятно! А дома? И квартиру надо большую, и каждый сладкій кусочекъ придется ему дѣлить на насъ троихъ... Да и Сережа много хлопотъ причинить занятому чело- вѣку. Нѣтъ, пусть хотя одинъ изъ семьи увидитъ жизнь, пусть остается въ Петербургѣ.

На этомъ рѣшеніи вдова уперлась. Бѣдная Софья Петровна горько по ночамъ плакала, но не показывала сыну вида, какъ тя- жело ей достается это самопожертвованіе.

Викторъ Дольскій уѣхалъ въ столицу. Черезъ нѣкоторое время, наканунѣ Маріи Египетской онъ прислалъ матери въ день ея рож- денія сто рублей. Софья Петровна журила сына въ письмѣ за расто- чительность, а сама ногъ не слышала подъ собою отъ радости. Смиловитился Господь, послалъ ей «такого» сына... Она, чуть ли

не въ первый разъ послѣ смерти мужа, пригласила гостей на пирогъ. За обѣдомъ только и разговору было, что о молодомъ педагогѣ. Отецъ Николай, бывшій духовникъ и законоучитель Виктора, провозгласилъ здравницу за достойнаго гимназиста своей воспитанника, добродѣтельной матери утѣшителя.

Молодой учитель нѣсколько разъ принимался звать мать къ себѣ, въ петербургскую казенную квартиру. Софья Петровна ѣздила на недѣлю погостить къ первенцу, возвращалась всегда съ пригоршней разказовъ о достоинствахъ Вити, о томъ, какъ онъ ее бережетъ, балуетъ, сколько денегъ даетъ. Но была тверда въ своемъ рѣшеніи не связывать, какъ она говорила, сына.

Лѣтъ черезъ шесть послѣ выпуска изъ института Витя женился на генеральской дочкѣ. Софья Петровна была въ большихъ хлопотахъ. Нельзя было ударить лицомъ въ грязь передъ новой родней, пришлось заказать у модистки шелковое платье, синее, по совѣту отца Николая, находившаго этотъ цвѣтъ наиболѣе подходящимъ для учебнаго вѣдомства.

Про пышность свадьбы, про великолѣпіе приданаго бѣлья акушерка долго потомъ рассказывала, хвалила и свою неvěстку, но довольно сдержанно. Ревнивое чувство безсознательно уже прорывалось и у добрейшей «бабушки Дольчихи».

Новая семья внесла нѣкоторую разобщенность въ отношеніяхъ матери къ сыну. Софью Петровну не тянуло уже въ Петербургъ, и нѣтъ-нѣтъ у нее проскальзывало словечко осужденія по адресу неvěстки, не достаточно оберегающей Витю отъ переутомленія работой.

Отъ усиленной бѣготни еще въ Петербургѣ у Софьи Петровны стало проявляться расширение венъ на ногахъ. Вьючная акушерская работа еще больше содѣйствовала развитію этого недуга. Возвращаясь съ практики, бѣдная труженица лежала пластомъ отъ усталости; ноги, по ея выраженію, обращались въ колодки. Подъ старость еще и спину стало ломить, моченьки нѣтъ, разогнуться трудно, стрѣляло въ бока и лопатки. Но рукъ складывать было нельзя. Старшій сынъ присылалъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ, просить у него больше мать не хотѣла, онъ и самъ при открытой довольно жизни, еле сводилъ концы съ концами, да и сводилъ ли... Этотъ вопросъ иногда не давалъ спать заботливой старушкѣ. А ужъ какъ надрывалъ ее сердце мѣдшій, больной Сережа. . Что ждало его впереди?

Одно время, давно уже, въ первый годъ знакомства съ Копьевымъ у Софьи Петровны бродила смутная мысль, устроить сына путемъ своего брака съ подполковникомъ, у котораго, какъ говорили, водились «хорошія деньги». Кондратій Ивановичъ частенько заходилъ къ вдовѣ попить чайку, ласкалъ мальчика, бралъ его съ собой на охоту. Софья Петровна стала заботливѣе относиться къ своему костюму, прикалывала цвѣтные бантики. Тарасъ Петровичъ рѣшилъ слегка подтолкнуть и другую сторону, но подполковникъ такъ рѣшительно и грубо отнесся къ возможности второй женитьбы, что у пріятеля руки опустились. Вдова, присутствовавшая при дружеской бесѣдѣ, поняла, къ чему вель дѣло Насыпайко и, услышавъ жестокую отвѣдь, сгорѣла со стыда.

Софья Петровна не скоро успокоилась, Ей казалось, что весь городъ знаетъ о ея попыткѣ плѣнить подполковника. Чего добраго какой нибудь злой человѣкъ еще сыну сообщить.

Вдова сгоряча хотѣла переѣхать съ квартиры, но почувствовала, что это только подчеркнуло бы ея пораженіе. Кондратій Ивановичъ въ первое же воскресенье по прежнему явился вечеромъ выпить чайку, какъ будто ничего и не произошло. Тарасъ Петровичъ сдержался и даже—женѣ не сказалъ о рѣзкой выходкѣ стараго пріятеля. Такъ никогда и не поднималось рѣчи о попыткѣ женить подполковника, но сама Софья Петровна, отъ поры до времени, съ дрожью вспоминала о своемъ неудавшемся кокетствѣ.

Теперь, когда Кондратій Ивановичъ пришелъ посоветоваться съ ней, какъ ему принять гостей и сказалъ, что предстоитъ составленіе и подписание завѣщанія, то у вдовы, помимо ея воли, опять заходили въ головѣ планы обезпеченія несчастнаго Сережи. Вдругъ отпишетъ все ему, бѣдненькому... Но она отгоняла прочь искушеніе, старалась въ разговорѣ съ домохозяиномъ ничѣмъ не обнаруживать съѣдавшаго ее любопытства.

— Вы ужъ, знаете того, выручите меня Софья Петровна. Разрѣшите принять гостей на Вашей половинѣ.

— Съ моимъ удовольствіемъ. Угощать вѣдь надо чѣмъ нибудь.

— Да, Тарасъ, увѣряетъ будто необходимо, такой, говорить, порядокъ. Что жъ, порядокъ надо соблюдать. Я не отказываюсь.

— Насчетъ вина вы попросите Тараса Петровича, онъ хорошо это дѣло знаетъ. Сами купите икорки свѣжей у Саркисова, да сардинки, да еще чего нибудь закусить.

Кондратій Ивановичъ заохалъ, въ предвидѣніи расходовъ на вино и закуски.

— Совѣтовать Вамъ не стану, потому завѣщаніе никогда не писала, но полагаю не обойдетесь, Кондратій Ивановичъ, безъ вспрысковъ. Такое вѣдь дѣло—завѣщаніе! Это будетъ посолондѣ стовора или тамъ имянинъ какихъ нибудь; вчера меня приглашали къ Шамбаевымъ, такъ чего, чего на столъ не было у нихъ поставлено, омарами угощали, ей Богу омарами. Спеку вамъ пироги съ цыплятами и съ фаршемъ.

— Вкусно это выходитъ у васъ.. Очень благодаренъ. Ну, что дѣлать, надо порядокъ соблюдать честь-честью, взялъ себя въ руки Кондратій Ивановичъ.

Однако, много вѣдь покупать не нужно. Насъ будетъ пятеро: я, вы, Тарасъ Петровичъ, Зейдлицъ и Петя, все свидѣтели. Вамъ, говорятъ, какъ женщинѣ нельзя подписываться. Можетъ и врутъ, да справляться нельзя, не хочу, чтобы благовѣстили по городу о завѣщаніи. Да потомъ, загадочно улыбнулся старикъ, въ завѣщаніи и о васъ будетъ упомянуто...

Софья Петровна зардѣлась маковымъ цвѣтомъ и разсыпалась въ благодарностяхъ. Но затѣмъ опомнилась и прибавила: — Да, Богъ съ вами, Кондратій Ивановичъ. Мужчина вы крѣпкій, всѣхъ насъ еще переживете. Вотъ не знаю, что вамъ въ наслѣдство оставить, очень ужъ много у меня имущества.

Кондратій Ивановичъ, однако, дня не назначалъ и все оттягивалъ. Онъ ждалъ приказа объ опредѣленіи на службу, желалъ ознаменовать это событіе подписаніемъ завѣщанія въ торжественной формѣ.

— Не можетъ быть! Въ одинъ голосъ вскрикнули инвалиды.

— Орудія взяли... Да вотъ же въ телеграммахъ все ясно написано. Наши разбиты подъ Тюренченомъ. Отступаютъ, японцы захватили двадцать восемь орудій, возбужденнымъ голосомъ повторялъ Петя Суровцевъ.

Насыпайко и Копьевъ были совершенно поражены тяжелымъ извѣстіемъ.

— Кто же тамъ командуетъ?

— Чортъ его знаетъ, кто...

— Гдѣ же Куропаткинъ?

— Должно быть, онъ теперь схватилъ дивизію—другую и летитъ впередъ, навстрѣчу японцамъ. Вотъ хорошо бы взгрѣть ихъ.

— А мнѣ все не вѣрится, господа. Какъ же такъ сдали орудія, да не одно—два, а двадцать во-семь...

Не могу повѣрить, уперся упрямо на своемъ Копьевъ, извѣстно врутъ телеграммы.

— Вотъ какъ отрѣжутъ японцы Портъ-Артуръ, тогда повѣрите. Войскъ у насъ тамъ мало, подвезутъ подкрѣпленія—не скоро, подливалъ горечи Суровцевъ.

— Такъ вѣдь японцы! Развѣ имъ можно позволить позорить нашу армію?! Что ты выдумалъ... Покажи телеграмму. Двадцать-во-семь орудій... Господи, Боже мой! Да ты не говори Гамзату, вотъ онъ идетъ. Сраму то сколько!

— Вижу по лицамъ, читали, говорилъ на ходу красивый бекъ. Чортъ знаетъ на что похоже. Ну, и Куропаткинъ же вашъ хваленый... Клянусь Богомъ самого подмываетъ идти на войну.

— Молодецъ Оглы бекъ, кровь заговорила по русски, хотя ты и татаринъ, грустно улыбнулся Тарасъ Петровичъ.

— Обидно, Тарасъ Петровичъ, вы насъ побили, Кавказъ забрали, а теперь васъ какіе то косоглазые япошки бьютъ. Каковы же, значить мы?... А! Тутъ не то, что животь положишь, кишки всѣ позволишь себѣ выпустить, чтобы доказать вашу же силу... Психологія тонкая, однако понятная, рѣзко закончилъ бекъ.

— А вы Петръ Ивановичъ, не собираетесь въ Манчжурію?

— Чего я тамъ не видалъ. И безъ меня много пушечнаго мяса найдется.

— Къ бурамъ же вы ѣздили. Рисковали для нихъ и своею жизнью, и службу бросили.

— Молода была, глупа была... Тихо пробурчалъ Суровцевъ.

— Хорошенькія пѣсни поетъ молодежь. Да и если бы я былъ молодъ, такъ... Эхъ, говорить не хочется, рассердился Тарасъ Петровичъ.

— Если бы Вы теперь молоды были, иначе бы и говорили.

— Не понимаю, зафилософствовался братъ, что то.

— Очень просто. Сейчасъ молодежь пѣсни поетъ инныя, чѣмъ въ ваше время. Конечно молодежь сознательная.

— Ага, понялъ. Нѣтъ, братъ, я на твоёмъ мѣстѣ сейчасъ обратился бы лучше въ безсознательнаго, Ей Богу правда. А то что это за молодость съ расчетомъ, да съ подсчетомъ. Тьфу!.. энергично отплюнулся Тарасъ Петровичъ.

— Вы, кажется, думаете, что я изъ трусости.

— Я, братецъ ты мой, ни въ особую храбрость, ни въ трусость не вѣрю. Сегодня человѣкъ овечка—овечкой, а на завтра на стѣну лѣзетъ, лобъ себѣ разбиваетъ. Зналъ я и такихъ, что на завалы

ходили не сморгнувши, а спать ложились, подъ кроватью осматривали, ставни пробовали... Вотъ Аграевъ на брустверь первый взошелъ. И что же. Послѣ войны, на охотѣ, съ ружьемъ отъ двухъ татаръ навтикача пустился, попросту удралъ. Что подѣлаешь!.. подъ какую минуту придется. Главное на людяхъ ли храбрость показывать, или въ тихомолку, въ одиночку. Да еще вотъ важно—по приказу или по собственной... какъ тамъ, по ученому говорится, по этой... ну, чортъ! да, вспомнилъ, по собственной инициативѣ. По приказу идешь бывало, не думаешь. Страшно, не страшно—нужно и конецъ. Понять это слѣдуетъ. Другая исторія, какъ начнешь самъ разсуждать, когда очутишься гдѣ нибудь въ отдѣлѣ, въ охотничьей командѣ, что ли. И отсюда кажется обойдутъ тебя, и отсюда. Да, ну!..—И вспоминать нудно... Мало ты думаешь порядочныхъ людей отъ походовъ желали уклониться? Ого! Держи карманъ шире. Иной, братъ, бывало въ горы въ походъ отправляется точно коза на базарь. Жаль съ домомъ разстаться. Жена, тамъ, дѣти, все такое—прочее. А какъ втянется—выходить самый надежный офицеръ. Или примѣрно и солдаты. Думаешь съ радостью идти въ походъ? Особенно, которые изъ запаса. Какъ же!.. Что же это все трусы?.. Нѣтъ, братъ, трусомъ тебя не считаю, но философію твою не одобряю, не нравится мнѣ, очень—очень не нравится, закачалъ неодобрительно головой Насыпайко.

— И мнѣ не нравится, прибавилъ и Кондратій Ивановичъ.

— Столковаться намъ трудно. Съ какой такой радости полѣзу я на Дальній Востокъ? Зачѣмъ? Почему? Японцы къ намъ въ Кубанскую область забрались, что ли? Въдь мы же сами захватили чужую землю и неизвѣстно для кого; во всякомъ случаѣ не для народныхъ интересовъ... Какіе то тамъ господа захотѣли на счетъ корейцевъ разжиться, а кашу расхлебывать должны миллионы людей. Покорно благодарю! горячо протестовалъ Суровцевъ.

— Петръ Ивановичъ! Съ какого это времени вы повернули такъ круто? Офицеръ, бурскій доброволецъ, хлопоталъ перевестись въ гвардію, попалъ въ контору, теперь уже о войнѣ слышать не хочетъ. Что же это буржуизмъ или революція? допрашивалъ Суровцева Гамзатъ Бекъ.

— Слушать его не хочу. Очень ужъ образована стала молодежь. Не пойму. Прощайте, будьте здоровеньки! кряхтя поднялся съ клубной скамьи Насыпайко.

— Подожди, и я съ тобой, поспѣшилъ за нимъ Копьевъ.

— Совсѣмъ Петька сдурѣлъ, сердито отплюнулся Насыпайко. Къ Суровцеву и онъ, и Копьевъ, какъ къ сыну ихъ полкового товарища, привыкли относиться покровительственно, продолжали въ немъ видѣть общаго баловня, шустрого Петю.

— Его и не поймешь. То онъ ругаетъ богатыхъ, то самъ хочетъ богатымъ сдѣлаться. Знаю, что сто рублей на ссыльныхъ бухнулъ, послѣ недѣлю въ сухомятку ѣлъ, Софья Петровна мнѣ говорила. А вмѣстѣ съ тѣмъ комерціей занимается. Недавно предлагалъ устроить дѣло. Видишь, услышалъ онъ тамъ гдѣ то, земли можно за даромъ купить и будто въ ней нефть; да денегъ у него не хватаетъ, предлагалъ вмѣстѣ, въ компанію... Мы говорить, купимъ, разобьемъ на участки, и станемъ продавать. Много, говорить, можно нажить. Я его спрашиваю про деньги, про его то есть капиталъ. Смѣется, говорить, «тысяченки три—четыре прикопиль».

— Скажи на милость! удивился Насыпайко, который никогда и одной тысячи не могъ скопить.

— Безъ денегъ, говорить, человѣкъ—не человѣкъ. Нѣтъ въ немъ силы. Я, говорить, держусь французской системы: десять, говорить, процентовъ съ каждой получки въ кубышку, съ внутреннимъ удовольствіемъ сообщилъ Копьевъ.

— Ну братъ съ этимъ процентомъ не много бы ты собралъ изъ офицерской пенсіи. Наша система другая—или все проѣсть, да еще признать, а если же копить, такъ все ужъ цѣликомъ... А?..

— Только, говорить, купоновъ рѣзать не стану, въ оборотъ деньги пускать надо. Пойми тутъ его. Съ Финкельштейномъ пошелъ отъ меня говорить.

— И выпустить тотъ его въ трубу, рѣшилъ Насыпайко.

IV.

За городомъ.—На войну—въ Тифлисъ.—Опредѣленіе вновь на службу.—Вартановъ.

Старики инвалиды пошли привычной дорогой за городъ. У Форштада встрѣтилось возвращавшееся съ поля стадо. Тихо подвигались задумчивыя, важныя черныя буйволицы; среди нихъ свѣтлыми пятнами проглядывали разношерстныя коровы, виднѣлись острые козлиные рога, отдѣльно плелся старый ишакъ съ потертой спиной и прихрамывала гнѣдая лошадь. Въ хвостъ рогатой колонны красиво рисовался, ревелъ и рылъ ногою землю городской быкъ. Тарасъ Петровичъ внимательно осматривалъ стадо, буйволицъ за-

ботливо вытеръ палкой наслоившуюся грязь, спросилъ о здоровьѣ пастуха съ большой сѣдой бородой, въ соломенномъ хохлацкомъ брилѣ на головѣ.

— Спасибо. Недолго ужъ ваше благородіе, пасти осталось, пора къ расчету строиться, отвѣтилъ старый отставной солдатъ и заковылялъ по направленію къ быку, который собирался приступить братъ ворота.

— Ровесникъ намъ вѣдь.

— Какъ же... Старѣемъ сильно. И я что то сталъ не прежній. Откуда взялось, не разберу. Заложить, вотъ тутъ, дыхнуть нельзя, жаловался Копьевъ.

— На охоту станемъ ходить, все пройдетъ. Кровь застоилась.

— Вотъ и сейчасъ что то не по себѣ. Какъ протитали телеграмму, такъ меня точно ошпарили, духъ сперло, слова сказать не могу. Хотѣлось оборвать молодца, не могу звука подать.

— Вотъ, стоитъ на молокососа обращать вниманіе... Охота сушить себѣ голову.

Должно быть издалека пріѣхали, не научились еще подмазывать. Обратилъ вниманіе Насыпайко на скрипѣвшую арбу, на которой устроена была кибитка. Среди разнаго вороха узловъ и сундуковъ виднѣлась старуха съ зеркаломъ въ рукахъ, изъ за нее выглядывало хорошенькое личико молодой горянки.

— Съ приданымъ ѣдутъ, точно у русскихъ. Роскошь пошла. Зеркало въ горы тащатъ... Скажи пожалуйста! Неодобрительно качалъ головою Копьевъ.

Старики съ удовольствіемъ пріостановились полюбоваться на встрѣтившагося верхового горца. На высокомъ мягкомъ сѣдлѣ всадникъ сидѣлъ не шелохнувшись. Замѣтивъ, что лошадь его поправила, онъ приподнялся на стременахъ, хлопнулъ нагайкой и понесся во весь опоръ.

— Недавно бралъ у Агая лошадь. Ъздилъ къ водопаду, сказалъ Копьевъ.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Смотръ инспекторскій себѣ закатилъ. Могу ли еще служить?..

Старики свернули съ дороги, направились къ знакомому бугру, на вершинѣ котораго бѣлѣлся вертикально поставленный камень, памятникъ покойному правовѣрному. Навстрѣчу инвалидамъ со степи потянуло запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и полыни.

Трава то прижималась къ землѣ на прогалинкахъ, то высоко поднималась подлѣ мелкихъ кустовъ терновника и шиповника. Ди-

кая спаржа и полевой горошекъ по вѣточкамъ забирались до самыхъ ихъ верхушекъ, среди ковыля разсыпалась бѣлая крупная ромашка и ярко краснѣла гвоздика. Гладкое поле тянулось версты на двѣ, на три, а дальше поднималась зеленѣющая горная гряда, отороченная бѣлымъ каменистымъ гребнемъ. Легкій дымокъ, вившійся надъ скатами, указывалъ, гдѣ въ могучихъ складкахъ прятались аулы. Сакли, какъ ласточкины гнѣзда, прилѣпились къ горамъ, трудно было ихъ отличить отъ сосѣднихъ скалъ и утесовъ.

Тарасъ Петровичъ усѣлся на траву, сорвалъ цѣлую пригоршню пахучаго чибреца и съ удовольствіемъ впитывалъ его запахъ.

— Гай, гай!... Хорошо.

— Да, воздухъ вольный... Послушай, Тарасъ Петровичъ, что я тебѣ скажу.

— Да ну, брось Петьку. Перебѣситъ и все тутъ.

— Не то. Вѣдь я прошеніе объ опредѣленіи на службу послалъ.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Давно уже. Отвѣта все нѣтъ. Безпокоюсь. Ты никому не говори.

— Вотъ возьму да протрублю... Очень всѣмъ интересно знать, какъ нашъ Аника воинъ собирается въ Манчжурію... А, впрочемъ ей Богу молодецъ Кондратій! Проявилъ инициативу. Ей Богу проявилъ. Такъ ты въ походъ, а я на печи останусь... Вотъ чортъ подвелъ какъ. Моя Марья Николаевна, впрочемъ, и думать не позволить...

— Ты—другое дѣло, въ ногу раненъ, хромаешь, нестроевое мѣсто передъ отставкой занималъ. А мнѣ, нельзя.

— Подвелъ, братъ Копей Ивановичъ. Чисто сдѣлалъ, тихоня.

— Спать вѣдь не могу, все думаю. А теперь вотъ насъ разбили. Это уже не на водѣ, а на сушѣ. Баталіоны тамъ были стрѣлковые, настоящіе, артилерія. Двадцать восемь орудій въ плѣнъ взяли. Неужели правда?!

— Я, братъ, думать не хочу, а то зареву. Лучше не говори про это. Стыдно по городу идти, стыдно извозчика, стыдно лавочника. И Тарасъ Петровичъ прикрылъ лицо шапкой отъ солнечнаго луча, вырвавагося изъ за тучъ, на прощаніе, передъ закатомъ.

— Вотъ-вотъ, это самое и у меня въ груди клокочетъ... Э—эхъ!..

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Пойдемъ-ка домой вечерять. Марія Николаевна должно быть уже выглядываетъ меня изъ сада. Куда, думаетъ, старый запропостился? «Спать жинка»...

Запѣлъ было Тарасъ Петровичъ, но сразу же остановился. Оба старика молчаливо потянулись обратно въ городъ.

Какъ не упирался Кондратій Ивановичъ, но Насыпайко затащилъ его къ себѣ ужинать. Запахъ черемши, дикого чеснока, носился не только въ домикъ, но и въ саду и на улицѣ. Подали тарань съ зеленымъ лукомъ, любимую кавказцами черемшу, жареную въ маслѣ дикую спаржу и вареники съ вкуснымъ домашнимъ сыромъ и сметаной. Все что было въ печи Марія Николаевна сразу выставила собственноручно на столъ.

Тарасъ Петровичъ налилъ изъ граненой «пьяшечки» себѣ рюмочку звѣробоя и сейчасъ же наполнилъ до краевъ стаканы мѣстнымъ виномъ.

— По полтора рубля ведро бралъ въ саду у Хораджева. Ну, братъ, и вино! Буль-буль-буль! Не промѣняю на крымскія, да французскія. Ей Богу, это вино здоровье даетъ, кровь пополняетъ.

Марія Николаевна чрезвычайно хотѣлось заговорить о завѣщаніи, хотѣлось узнать, кому достанется Копьевскій капиталъ; но они сговорились съ мужемъ ни словомъ не намекнуть объ этомъ. Во-первыхъ—дѣло важное, и не для легкой бесѣды, а во-вторыхъ пріятель можетъ подумать, что они рассчитываютъ также на наследство.

Копьевъ, какъ и всегда, почти ничего не ѣлъ, зато самъ хозяинъ отвѣдалъ всего вдовсталь.

— Смотри ты у меня ночью расхвораешься. Будешь опять охать, да за животики держаться, останавливала Тараса Петровича жена.

— Стану я Кондратію подражать. Постничать и отъ всего воздерживаться? Дудки! Поболить и перестанетъ, а вареники не каждый день подаютъ. Ну, постная душа, за твое здоровье. Дай же Боже тебѣ здоровому и невредимому вернуться!

— Откуда это? Спросила Марія Николаевна.

— Вотъ видишь, Тарасъ. Не удержался таки, укоризненно замѣтилъ Копьевъ.

— Да, свой человекъ, не разболтаетъ. На войну идетъ Кондратій Петровичъ, вотъ что. Ай да наши!..

— Думаетъ удивилъ, а-жъ нисколички. Кондратія Петровича я хорошо знаю и давно видѣла—не стерпитъ. Только не сманивайте вы въ походъ моего старого, шутливо замѣтила милая хозяйка. Но внезапно лицо ее омрачилось.

И привѣтливая, оживленная обыкновенно Марія Николаевна внезапно выскочила изъ за стола со слезами на глазахъ и слышно было, какъ она разрыдалась въ другой комнатѣ.

— Ну и оказія... Куда тутъ на войну. Инвалидъ, братъ первой статьи, да и только. Одно слово—двадцатая, какъ прежде у насъ въ полку, женатая рота. Въ слободку на лежанку, а не въ походъ.

Насыпайко насунился и долго потиралъ себѣ затылокъ.

— Марья Николаевна! Да брось, дасть Богъ все будетъ благополучно. Это она о сынѣ убивается. У насъ такой уговоръ съ нею о сынѣ не говорить, чтобы не дразнить сердце. Вотъ же не выдержала. А касательно службы, отсталъ я здорово. При мнѣ еще и берданокъ не было, а теперь уже скорострѣлки. Не боги, конечно, горшки обжигаютъ, а все какъ то неловко неучемъ передъ другими показаться, да и тянетъ къ старинкѣ. Самъ знаешь новое охотничье ружье центрального боя, что въ подарокъ получилъ, безъ почину вписать на стѣнкѣ. Какъ—на охоту, такъ—за старый самопалъ. Надежнѣе какъ то, не сфальшить.

— Знаешь, того, и я, конечно, отсталъ. Въ мирное время, на смотръ тамъ, что ли, не пошелъ бы; а въ походъ, того знаешь... не то нужно. Равненіемъ тамъ не много возьмешь. Ей Богу пригодится еще на что нибудь и Кондратій Ивановичъ. Думаю—не подгажу; твердо заявилъ Копьевъ, нѣсколько подвинченный пріятельскимъ угощеніемъ.

Вышла, оправившаяся отъ слезъ, Марья Николаевна, и всѣмъ троимъ выпили по стаканчику краснаго вина за будущаго батальоннаго командира.

Приказа объ опредѣленіи на службу Копьева все еще не было. Старикъ допрашивалъ Тараса Петровича, что ему предпринять.

— Помнишь Панкратьева? Умный человекъ былъ. Какъ бывало что не ладится, онъ сейчасъ на перекладную и былъ таковъ. Въ Тифлисъ съѣздитъ, поворожитъ тамъ въ штабъ, и дѣло въ шляпѣ.

— Думаешь и мнѣ туда ѣхать.

— Что же, въ Манчжурію вѣдь дальше.

— Прогонъ, братъ, не дадутъ. Денегъ то сколько выйдетъ...

— Брось пѣнки снимать. Придется раскошелиться. Э! кто то на крылечкѣ ходитъ. Добрый человекъ, кто тамъ?!

— Это я, Гамзатъ.

— Входи, гостемъ будешь.

— Пришелъ съ прощальнымъ визитомъ.

— Куда, въ Тифлисъ? Соскучился по клубамъ.

— Нѣтъ, въ Маньчжурію.

— Шуты больше. Ты вѣдь не офицеръ.

— Охотникомъ ѣду. Такъ безъ спроса, возьму билетъ до Ляояна и гайда. Тамъ явлюсь Куропаткину.

— Развѣ онъ знаетъ тебя?

— Я его знаю, этого достаточно. У Линевича еще ребенкомъ въ Тифлисъ бывалъ, найду кавказцевъ, Миценко Павла Ивановича знаю.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ не шутишь. Ну, братъ, Гамзатъ— молодчина. Ей Богу молодчина! Давай тебя поцѣлую. Вотъ разодолжилъ. Отецъ, твой, покойникъ, на томъ свѣтѣ порадуется за сына. А я думалъ, ты совсѣмъ стрюцкимъ либераломъ сдѣлался; расчувствовался Насыпайко.

— Милый Тарасъ Петровичъ, да развѣ либералы не болѣютъ душой за Россію. Это вы, дѣдушка, напрасно.

— Ну, прости старика, не думалъ.

— Кондратій Ивановичъ, вы бы тряхнули стариной, да вмѣстѣ со мной въ армію, а... Право хорошо бы. Георгіевскій кавалеръ, герой. Такихъ на войнѣ нужно. Дѣла, видите, какъ плохо идутъ. Все отступаютъ, да отступаютъ.

— Что же... быть можетъ и я раскачаюсь... густо покраснѣвъ, отвѣтилъ Копьевъ.

— Клянусь Богомъ вамъ нужно ѣхать. Александръ Ивановичъ Миценко уѣхалъ на войну. Былъ тоже въ отставкѣ, а вотъ не выдержалъ, потянуло.

— Храбрый офицеръ! Другого такого отчаяннаго, не знаю. Если задѣтъ его немного, такъ думаю... да, что тутъ бросится на встрѣчу непріятелю переплывать саженками Черное море. П—и!.. Вспоминать прошлое Копьевъ.

Отъѣздъ Гамзата совсѣмъ взбудоражилъ Кондратія Ивановича. Онъ махнулъ рукой на расходы и уѣхалъ въ Тифлисъ. Билетъ взялъ третьяго класса, питался дорогой однимъ чаемъ. Остановился въ заѣзжемъ домѣ, гдѣ то на Вѣрѣ.

Въ штабѣ ему объяснили, что въ Тифлисѣ ускорить опредѣленіе нельзя, надо ѣхать въ главный штабъ, въ Петербургъ. Однако всѣ успокаивали старика, убѣдительно заявляя, что его, георгиевскаго кавалера, не могутъ не принять вновь на службу. Спросъ на офицеровъ огромный.

Воспользовавшись пребываніемъ въ Тифлисѣ, гдѣ никто его не зналъ, Кондратій Ивановичъ отправился въ магазинъ офицерскихъ вещей, приобрѣлъ себѣ штабъ-офицерскіе эполеты съ шифромъ своего стараго полка и заказалъ погоны; готовыхъ не было.

Хотя онъ и зналъ, что его опредѣлятъ въ другую часть, но на войнѣ, при массѣ переведенныхъ, по его мнѣнію, не обратятъ вниманія на эту вольность. Разставаться же съ роднымъ мундиромъ не хотѣлось. Забравъ драгоцѣнные плечевыя украшенія, онъ чуть не бѣгомъ направился въ свой удаленный отъ центра заѣзжій дворъ. Старикъ заперъ на ключъ конурку и передъ туманнымъ зеркальцемъ примѣрялъ эполеты. Когда то онъ ихъ такъ страстно желалъ, и не дождался, произведенъ былъ въ подполковники лишь съ увольненіемъ въ отставку. И вотъ теперь, не сегодня—завтра, онъ уже подполковникъ, не на ассигнаціи, а настоящій, форменный штабъ-офицеръ. Копьевъ поднялъ плечи и задорно тряхнулъ жирными эполетами. Красота!..

Въ это время кто то грузно проходилъ по корридору, и Кондратій Ивановичъ быстро отскочилъ отъ зеркала, раздѣлся и бережно сталъ укладывать въ коробку эполеты.

Однако, приказъ объ опредѣленіи не появлялся, приходилось не солоно хлебавши покидать Тифлисъ.

Передъ отъѣздомъ подполковникъ пошелъ въ магазинъ за своими заказанными погонами.

Ему, привыкшему къ своему захолустью, Тифлисъ казался роскошнымъ городомъ. Онъ ребячески дивился большимъ домамъ. Головинскій проспектъ представлялся старику верхомъ роскоши. Подполковникъ любовался выставками въ витринахъ магазиновъ, и его поражала смѣлость, съ которой входилъ туда разношерстный народъ за покупками. Шальные, должно быть, деньги, думалъ онъ, и невольно принимался съ прискорбіемъ вновь и вновь подсчитывать въ умѣ свои самые ничтожные расходы.

Въ душѣ онъ поругивалъ Тараса Петровича, посовѣтовавшаго ему ѣхать въ Тифлисъ. Подвелъ подъ расходы, потѣшаться еще будетъ. Выдумалъ, старый, поѣзжай, да поѣзжай. Вотъ и нагрѣлъ рублей на тридцать. Шутка сказать... Грустные цифровыя выкладки

однако вылетѣли изъ головы передъ дверьми магазина офицерскихъ вещей. Его новенькіе подполковничьи погоны такъ и блестѣли въ зеркальномъ окнѣ.

Старикъ храбро шагнулъ въ магазинъ. Пока укладывали покупки, онъ взялъ «Русскій Инвалидъ» съ прилавка и внимательно, какъ всегда съ замираніемъ сердца, сталъ проглядывать Высочайшіе приказы. Въ рубрикѣ опредѣляющихся вновь на службу мелькнула знакомая фамилія. Неужели?! Да, да отставной подполковникъ Копьевъ!.. Ну и колдунъ же Тарасъ... Сказалъ въ Тифлисѣ все устроится, такъ и вышло... Скажи пожалуйста... мелькнуло въ головѣ подполковника.

Старикъ не выдержалъ и объявилъ приказчику о своей радости.

— Мало полковникъ погонъ покупалъ, на шинель—нужно, на старый сюртукъ—нужно, на новый—нужно, на китель—безпримѣнно нужно.

— Нѣтъ, нѣтъ! Заторопился уходить Копьевъ, я пока съ двумя парами обойдусь.

На широкомъ тротуарѣ проспекта старикъ себя почувствовалъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ четверть часа назадъ. Онъ уже иначе сталъ относиться къ отдаію чести на улицѣ и громко поздоровался съ первымъ встрѣтившимся солдатомъ, который растерялся отъ неожиданнаго привѣтствія и возвеличилъ Копьева въ превосходительство.

Боевому офицеру представилось уже поле сраженія, непріятельскія укрѣпленія въ родѣ Карскихъ фортовъ, черкесообразные японцы, и онъ съ своимъ баталіономъ двигается на приступъ редута... Мурашки нервнаго возбужденія забѣгали у него по спинѣ. Вотъ онъ выхватилъ знамя изъ рукъ убитаго знаменщика и бросился впередъ. Вокругъ гремитъ побѣдное «ура»...

Размечтавшійся шестидесятилѣтній юноша и не замѣтилъ, какъ столкнулся съ сестрой своей жены, которую не видѣлъ много лѣтъ.

Востроглазая, юркая старушка узнала сразу свояка. Она окликнула Кондратія Петровича и напоминала о себѣ. Копьевъ задрожалъ отъ страха, такъ напугало его пробудившееся внезапно горькое прошлое. Свояченица, не смущаясь нисколько, завела бесѣду о семейныхъ дѣлахъ и стала журить его за безсердечіе къ сыну.

— Къ какому сыну? Вы должны знать, что у меня былъ только одинъ сынъ, Евгеній. Онъ умеръ ребенкомъ.

— Я въ ваши интимныя исторіи не путаюсь, знаю, что у меня есть племянникъ родной — Михаилъ Кондратьевичъ Копьевъ, законный вашъ наслѣдникъ. Кстати онъ получилъ назначеніе на Кавказъ, можете встрѣтиться скоро.

— Шишъ съ масломъ получить послѣ меня вашъ племянникъ. Я вотъ на дняхъ подпишу завѣщаніе... но, конечно, не въ пользу вашего племянника, грубо заявилъ раскраснѣйшійся Копьевъ.

— Какая жестокость! Чѣмъ виноватъ бѣдный Миша, что вы не поладили съ женой. Онъ остался сиротой по милости вашей... Да! да!.. Благодаря вамъ, остался безъ отца. Вѣдь не будь сестра связана, она вышла бы замужъ за...

— Мнѣ некогда. Прощайте, рѣзко оборвалъ Копьевъ.

— Скажите, какія дѣла нашелъ. Да развѣ есть у васъ важнѣе... Мнѣ Миша пишетъ и совершенно правильно. Если бы даже онъ родился внѣ брака, то все таки онъ братъ вашего Евгенія, а такъ какъ тотъ умеръ, то онъ, прямой наслѣдникъ единоутробнаго, замѣщаетъ его. Мнѣ, женщинѣ, это какъ день ясно...

Копьева вдругъ сталъ душить воротникъ, въ глазахъ потемнѣло, и онъ почти рухнулъ на скамью.

Подвернувшійся добродушный кенто подхватилъ подполковника и втащилъ въ кондитерскую. Здѣсь старику дали выпить воды, и онъ отправился домой на извозникѣ, что случалось чрезвычайно рѣдко. Добрался онъ къ себѣ совершенно разстроенный.

И опять всю ночь Кондратія Ивановича давилъ кошмаръ. Надъ нимъ потѣшался Михаилъ Кондратьевичъ Копьевъ. Кричалъ ему, старику Копьеву: «пошелъ вонъ!»! Выгонялъ изъ его собственнаго дома «на основаніи статьи № такой то»... Копьевъ проснулся въ холодномъ поту. Крикъ продолжался. Видимо кто то буянилъ въ сосѣднемъ духанѣ.

Старикъ рѣшилъ по возвращеніи домой немедленно составить завѣщаніе.

На утро Кондратій Ивановичъ, несмотря на утомленіе, счелъ долгомъ явиться коменданту. Вычистилъ обновленный мундиръ, старательно нацѣпилъ новую колодку съ орденами, расправилъ банты на ленточкахъ, полюбовался на бѣленькій офицерскій крестикъ, затѣмъ приступилъ къ подвязыванію эполетъ. «По новому, кажется у нихъ не полагается на этотъ случай надѣвать, ну, да я по старинному», ворчалъ про себя подполковникъ.

Коменданта ему не удалось видѣть, но за то онъ чувствовалъ, что по улицамъ на мундиръ его съ интересомъ посматривали тиф-

лищцы, весьма чувствительные къ знакамъ боевыхъ отличій. Копьевъ почувствовалъ себя вновь истиннымъ офицеромъ, на дѣйствительной службѣ.

Изъ Тифлиса Кондратій Ивановичъ по офицерскому билету выѣхалъ уже во второмъ классѣ. Роскошь, которой онъ въ жизни еще никогда не пользовался.

Дома онъ спалъ всегда на походной кровати, составленной изъ вьючныхъ сундуковъ, а тутъ въ вагонѣ довелось подпрыгивать на пружинномъ диванѣ... «Баловство, одно»...

Горячее южное солнце заливало лучами выгорѣвшую отъ лѣтняго зноя степь, вдали виднѣлось ярко синее море. Копьевъ любилъ югъ, сроднился съ кавказской природой. Онъ присѣлъ у окна и зоркимъ глазомъ ловилъ на горизонтѣ бѣлые паруса и дымки пароходовъ, всматривался въ рѣдкія скалы, прятавшіяся за холмами, пересчитывалъ маячившихъ кой гдѣ верблюдовъ.

— Глазамъ своимъ не вѣрю. Что такое? Почему? Раздался вдругъ громкій голосъ архитектора Вартанова, сѣвшаго на одной изъ промежуточныхъ станцій.

— Опредѣлился на службу. Ѣду на войну.

— Зачѣмъ на войну? Вотъ не видали чего.

— Вы человѣкъ штатскій, а я выросъ и состарился въ полку.

— Какъ можно штатскій! Мой дядя на Гүнибѣ убитъ, дѣдушка подъ Эриванью раненъ. Какъ можно... Душа моя, не успѣете теперь въ сраженіе попасть,—вотъ въ чемъ дѣло.

— Почему такъ?

— Знаешь, какъ у насъ говорить,—почитай пожалуста! Вартановъ развернулъ газету и указалъ на телеграмму о началѣ Ляоянскаго сраженія.

— Да, это пожалуй что и такъ... Поспѣешь къ шапочному разбору... Слава Богу вздуютъ, наконецъ, хорошенько ихъ,—перекрестился старикъ.

— Я говорилъ, я говорилъ! Куропаткинъ сосредоточился, укрѣпился, заманилъ японцевъ. Теперь, какъ треснутся сначала хорошенько головой, ошалѣютъ, а тутъ ихъ съ фланговъ и начнутъ... и начнутъ... Воодушевился пылкій и подвижной архитекторъ, выдѣлывая руками быстрые жесты.

— Сегодня приѣду, черезъ два дня гайда въ Маньчжурію.

— А какъ же вы домъ оставите? Довѣренность, что ли, кому дали?

— Правду говоря о домѣ я не подумалъ. Полагалъ запру, ключи отдамъ Софьѣ Михайловнѣ, и все тутъ.

— Эге, какой вы храбрый. Это, отецъ мой, не въ деревнѣ. Знаете, что самое лучшее, сдайте въ аренду домъ Тарасу Петровичу. Будетъ преотлично. Онъ сбережетъ, и никто тогда не посмѣетъ къ вамъ сунуться; а то, знаете, всякіе нахалы бываютъ... Возьметъ, да и поселится... Не вѣрите? Увѣряю васъ! Хотите я завтра же оформлю аренду, дѣло по домамъ мнѣ знакомое.

— Вотъ спасибо. Совсѣмъ изъ ума вонъ. Вѣдь повинности платить надо, за чистотой наблюдать, улицу убирать. Ахъ, чортъ! Такъ пожалуйста, Артемій Артемьевичъ.

— Да, и кромѣ дома, вамъ еще много хлопотъ. Не успѣете такъ скоро собраться, прогоны получить. Спрыснуть эполеты нужно. Это, душа моя, какъ хотите, а раскошелиться по штату положено.

— Какіе мои сборы. Я уже давно собрался, прогоны на мѣстѣ въ полку получу. Правда дѣло одно есть... Приходите завтра обѣдать, вотъ и вспрыснемъ. Милости просимъ.

— Карталинскаго и ка-хе-тын-скаго! Торжественно, точно на эктениі провозгласилъ Вартановъ и громко причмокнулъ, какъ бы смакуя вино.

— Да!.. Откровенность за откровенность. Вартановъ сдѣлалъ большіе, почти страшные глаза, придвинулся ближе къ подполковнику. Когда я ѣхалъ къ роднымъ, въ вагонѣ познакомился со мной одинъ петербургскій господинъ, узналъ, что я изъ Кутана и все спрашивалъ о Васѣ, о вашихъ средствахъ... Я сказалъ, что вы совсѣмъ байгушъ, нѣтъ у васъ ни копѣйки. Не вѣритъ. Когда говорить, наслѣдство получу узнаю... Вотъ почему и объ арендѣ дома заговорилъ я съ Вами. Вы уѣдете, отъ нахала все станется. Я ему отрекомендовался, а онъ, шарлатанъ, мнѣ фамиліи своей не сказалъ. Подбирается кто то къ вашимъ капиталамъ.

Отвѣта не успѣлъ дождаться Вартановъ, такъ какъ надвигавшаяся быстро съ горъ черная туча повисла надъ ихъ поѣздомъ, и надъ моремъ зарокотали грозные громовые удары. Море недавно такое ласковое, вдругъ потемнѣло. Бѣлая пѣна волнъ красиво змѣилась на черномъ почти фонѣ.

— Смотрите, смотрите какая красота! Закрывая спѣшно окно, указалъ экспансивный Вартановъ на южный край моря.

Какъ будто не хватило въ воздухѣ матеріала, и густая туча не могла покрыть все небо. Тамъ, вдали продолжали литься яркіе лучи и плескалось сине-голубое море...

Гроза долго не унималась. Круглыя молніи бороздили небо, бенгальскимъ огнемъ слѣпили глаза, дождь сердито барабанилъ и по крышѣ, и по окнамъ.

На Кондратія Ивановича, человѣка завѣдомо храбраго, гроза всегда производила какое то гнетущее впечатлѣніе недомоганія. И теперь онъ нахохлился, сдѣлалъ видъ, что задремалъ.

Вартановъ попробовалъ спросить спутника о наслѣдствѣ, но тотъ не отвѣчалъ.

— Скажи на милость. Вотъ спокойный человѣкъ... Господа! Обратился онъ къ пассажирамъ, не хочетъ ли кто въ картишки перекинуться...

В. С. Жибенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

